

альной и политической картины современного мира, религия неизбежно и регулярно отражается в СМИ - на страницах газет, в новостных телевизионных передачах, новостных интернет - ресурсах.

При этом зачастую журналистами допускаются различного рода искажения и неточности в подаче новостей, интервью, экспертных оценок и других материалов о религии, что может быть чревато усилением межконфессиональной напряженности.

Поэтому чрезвычайно важно исследовать историю взаимоотношений религии и СМИ и их современное взаимодействие.

Кроме того, представители религиозных организаций активно используют ресурсы СМИ как средства миссионерской деятельности, что отражается на их вероучении и культовой практике (особенно это отражается при взаимодействии религии и сети интернет).

Литература.

1. Бакунин Г.П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М.: АспектПресс, 2005 – 176 с.
2. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. – М.: Вильямс, 2004. – 426 с.
3. Государство, СМИ и церковь: Материалы и рекомендации науч.-практ. конф. (14 ноября 2001 г.). – М.: Ин-т повыш. квалиф. раб.телевидения и радиовещания, 2002. – 66 с.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Д.Р. Кадырова, студентка группы 3-17Б20,
научный руководитель: Полещук Л.Г.*

*Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского
Томского политехнического университета
652055, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 26*

Социальное неравенство присуще любому обществу. Истоки социального неравенства обнаруживаются в биологических особенностях индивидов. Неравенство существовало в древности, проявляясь в виде большей доли добычи для сильного: вождей и охотников. Историческое усложнение структуры общества усиливает неравенство.

Сегодня социальное неравенство подразумевает наличие в обществе групп, занимающих различные ступени в социальной иерархии, то есть социальной стратификации общества. Представляется, что общество обречено на неравенство [1]. Стоит отметить, что проблема социальной поляризации может быть рассмотрена в различных уровнях. Например, авторами [1] она понимается в двух измерениях: наличия резкого социального расслоения и его постоянного увеличения, то есть как явления и процесса. Оба измерения социальной поляризации авторы [1] считают актуальными как для современной России, так и для европейских стран.

Рассмотрим технологии стратификации в современном обществе. В качестве одной из таких выступает управление уровнем доходов политическим путем. Так идеология советского социалистического общества предполагала уравнивательные тенденции и скрытое перераспределение благ. Однако принятие в 1988 году «Закона о кооперации» открыло «шлюзы для отмывания «грязных денег», перекачки безналичных средств со счетов предприятий и организаций в наличные. Роста дефицита государственного бюджета и инфляции, а, тем самым, обнищания населения» [2, С. 4]. Дальнейшие экономические и политические реформы проводились таким образом, что страна погрузилась в глубокий кризис, простые граждане столкнулись с проблемами элементарного выживания в новых условиях многомесячных невыплат зарплат и галопирующей инфляции, в то время как малая часть «приспособленных», в основном власть имущие и просто бандиты, получали баснословные прибыли. В результате новая социальная структура сформировалась чрезвычайно быстро: за чертой прожиточного минимума оказалось большая часть россиян. В то же время на другом «полюсе общества» сверхбыстрыми темпами, полулегально, в условиях отсутствия правовых основ рынка, несформированных налоговой, таможенной систем, а зачастую откровенно противозаконно шло накопление колоссальных капиталов. Последовавшая затем «скороспелая» приватизация, когда за бесценок была распродана львиная доля государственной собственности, причем вопреки законам экономики и логики приватизировались в первую очередь не самые убыточные, а наиболее перспективные предприятия, только усугубила расслоение общества [3]. Вместе с тем процесс социальной поляризации продолжается в современной России и по сей день, правда уже не такими быстрыми темпами. Однако неравенство уже достигло угрожающих масштабов, не имеющих аналогов в развитых странах и продолжает увеличиваться. В представле-

ниях россиян оно достигло запредельных масштабов. Еще в 2005 году около 80% опрошенных считали его чрезмерным [4, С. 137]. За последние несколько лет произошел раскол общества между очень богатыми и бедными. Эти «два российских народа» отличаются и уровнем материальной обеспеченности, и разными предпочтениями, а также потребительским спросом, им свойственны характерные мотивации, социальные стереотипы и нормы общественного поведения. Другими словами, у них полярные системы приоритетов и ценностей.

Объем власти, привилегий – еще одна технологическая предпосылка социального неравенства. Так по К. Марксу «в феодальном обществе эксплуатация имела форму прямого производства продукции крестьянством для аристократии. Слуги принуждались отдавать определенную часть производимого ими своим патронам, либо работать определенное количество дней ежемесячно на полях землевладельца» [5, С. 116].

Образование, престиж профессии, доступ к информации – также являются современными технологическими предпосылками социального неравенства. На важность наличия образования и престиж профессии указывали классики социологии – М. Вебер и Э. Гидденс: «Квалификация, которую имеют люди, наличие ученой степени, диплома, профессионального мастерства, делают их более «рыночными», чем других» [5, С. 117].

Важнейшее технологическое основание социальной стратификации – объем доступа к информации, приобрело в современном информационном обществе новые очертания. Дятлов С.А. в своей работе «Принципы информационного общества» отмечает: «В современных условиях в качестве важнейшего ресурса экономики выступает научное знание и информационные ресурсы. Вся структура современного общества начинает перестраиваться в направлении, которое наиболее эффективно позволяет работать с информацией. Общественная значимость того или иного человека все более и более определяется не только наличием традиционных товаров, условий производства или денег (капиталов), но и, прежде всего, наличием информационных ресурсов, научных знаний и информации, его социальным статусом. Приоритеты все более и более смещаются от собственности и капиталов к научным знаниям и информации. В современном обществе общественная значимость все больше и больше отождествляется с информационной значимостью» [6]. Таким образом, ведение бизнеса можно рассматривать как процесс превращения ресурсов в экономические ценности, а знание – один из таких важнейших ресурсов. По мнению Петра Щедровицкого [7], в развитых странах: «...сложился фундамент нового, постиндустриального, хозяйственно-экономического уклада, ядром которого стала экономика и индустрия производства, распространения и использования знаний. Производство новых знаний, а значит, и новых технологий – знаний о том, как можно использовать имеющиеся ресурсы иначе, чем мы это привыкли делать, – сегодня определяет не только конфигурацию, но и стоимость всех остальных факторов производства. Знания и способы их производства, а не капитал или труд, и тем более не естественные (земля или недра) ресурсы становятся основным источником богатства». Развитие инновационных форм организации деятельности, опирающихся на постоянную смену технологий, сделало класс товарных экономик отсталым. Последствия постиндустриальной революции чувствуются повсеместно. Традиционные социокультурные идентичности, связанные с этнической принадлежностью, религией, возрастом и профессией, дополняются, а затем и вытесняются иными – связанными с типом используемых знаний, способами работы с информацией, уровнем мобильности. Даже в развитых индустриальных странах начинают размываться границы среднего класса. Все большее число людей начинает жить на границах бедности, их квалификация обесценивается с появлением современных технологий; в то же время из носителей знаний и интеллектуальных технологий начинает формироваться новый «правящий класс». Интернет почти полностью ликвидирует физические ограничения на расширение рынка, существовавшие до появления сетевых технологий. При этом в выигрыше от этого процесса оказываются лучше образованные и лучше оплачиваемые элиты, которые были первыми в использовании Сети. Существует серьезная проблема информационной стратификации в развивающихся странах. Так социальные группы, лишенные доступа к информационным ресурсам, изначально оказываются в заведомо проигрышном экономическом положении по сравнению с сетевым сообществом. «Компьютерный раскол», то есть раскол между теми, кто имеют и не имеет доступа в Интернет, расширяется такими темпами, что влиятельные

страны G-8 выделяют значительные ресурсы на его сокращение. На встрече в Киошу, Окинава, 21-23 июля 2000 года крупнейшие промышленно развитые страны – Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада, Франция, Италия, Германия, Япония и Россия – договорились о формировании глобальной специальной группы по рассмотрению разрыва между странами, имеющими и не имеющими доступа к информационным ресурсам. Основатель спутниковой компании World Space Ноа Самара в статье «Борьба с бедностью с помощью спутников» [8] пишет: «Развитие людей определяется той информацией, которую они могут получить. Взгляните на истоки процветания, и вы увидите, что оно определяется объемом информации о технике, процессах и организации. Причина бедности – в невежестве». Как заявил в приветствии участникам конференции «Глобальное Знание-2» глава Всемирного банка Джеймс Вулфенсон: «Глобализация – не угроза, а новые возможности для каждого из нас. Спутниковые технологии скоро позволят донести до любой деревни в джунглях те же знания, что и у всех прочих» [9].

В настоящее время менее 5 процентов компьютеров с доступом в Интернет находятся в развивающихся странах. В то время, как, по прогнозам, число пользователей Интернета в мире вырастет с 349 миллионов в 2000 году до 766 миллионов в 2005 году, по мнению издания «Компьютер индустри алманах» (Computer Industry Almanac), этот рост, в основном, обойдет стороной развивающиеся страны. Хотя число пользователей на Ближнем Востоке и в Африке в течение следующих пяти лет возрастет, удельный вес этих регионов вырастет лишь незначительно, причем доля числа их пользователей Сети увеличится до 3,8 процентов от общей численности пользователей Интернета [10]. Этот «цифровой раскол» – не только помехи для межличностных коммуникаций: недостаточное развитие сложных информационных технологий (ИТ) влечет за собой вполне конкретные социально-экономические последствия. В исследовании Всемирного банка, опубликованном в июне 2000 года, приводятся убедительные доказательства того, как экономический рост развивающихся регионов может быть ускорен благодаря ИТ или замедлен при их отсутствии. Согласно этому исследованию, половина разницы между высокими уровнями экспорта в Восточной Азии и меньшими уровнями экспорта в Африке, выраженными в процентах валового внутреннего продукта (ВВП) каждого региона, может быть отнесена на счет недостаточно развитых коммуникационных сетей Африки [11].

Таким образом, технологии социальной поляризации являются одним из важнейших проявлений действительности. Они могут угрожать стабильности социума, а потому требуют включения, в свою очередь, технологий активации социальных функций государства.

Литература.

1. Сапронов А.В., Крицкая О.А. Особенности социальной поляризации российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки, 2015. – №4 (32). – С. 82–86.
2. Руткевич М.Н. Социальная поляризация // Социологические исследования, 1992. – №9. – С. 3–16.
3. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке // СОЦИС, 2004. – № 3. – С. 3–15.
4. Петросян Д. О социальной справедливости в экономических отношениях // Общество и экономика. – 2005. – № 9. – С. 135–154.
5. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования, 1992. – №9. – С. 112–123.
6. Дятлов С.А. Принципы информационного общества // Информационное общество, 2000. – №2. – С. 77–87.
7. Щедровицкий П. Бунт капиталов. Национальные государства не соответствуют требованиям постиндустриального общества // Эксперт, 2000, – 23 (234) от 19 июня.
8. Самара Н. Борьба с бедностью с помощью спутников // Newslink, 1999. – № 1. – С. 12.
9. Косырев Д. Поможет ли Африке Интернет // Независимая газета, 2000. – № 80 (2142) от 4 мая. – С.11.
10. G-8 Nations Highlight Need for Universal Internet Access (Initiatives strive to connect the world) // Washington File, 2000, 07.08, p.3.
11. Бондаренко С.В. Информационная стратификация в информационном обществе. Режим доступа: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/68256a80637d96e0c3256a33003bf088>